

Приложение В. Цитаты замечательных людей

*А всё же, сдаётся, задумано Им,
чтобы праздненьем мы жили наш век.
Ибо если б Всевышний хотел, чтобы гнули мы спину,
То зачем бы Он стал создавать и вино?
А имей ты кувшин, наполненный сладким пьянящим вином,
Неужели пойдёшь ты горбатиться в поле и рвать себе жилы?*

— Джалаладдин Руми, Диван Шамса Тебризи

*Ты в зарослях поёшь. Есть хлеба каравай,
Диван стихов, вино (полнее наливай!),
И — простаку дурным покажется пускай —
Я просто жалкий пёс, коль оглянусь на рай!*

*Мой Друг, приди сейчас! Поверь, что «завтра» нет,
И всё, что есть у нас, — сегодняшний рассвет.
А завтра — догонять, покинув этот свет,
Людей, бредущих прочь уже семь тысяч лет.*

*В тот час, как звёздами поляна запестрит
И свежий ветерок в весенний сад влетит.
Блажен, кто сядет пить на пару с Другом
И разобьёт потом бокал о камень плит!*

— Омар Фицджеральд

История, материализм, монизм, позитивизм и все «измы» этого мира суть ветхие и ржавые орудия, в которых я более не нуждаюсь и которые не принимаю в расчёт. Мой принцип — жизнь, а концом мне станет смерть. Я желаю прожить свою жизнь предельно насыщенно, дабы объять её трагедию во всей полноте.

Ты ждёшь революцию? Моя личная революция вспыхнула давным-давно! Когда будешь готов (Господи, до чего же тягостно это бесконечное ожидание!), я не против составить тебе компанию на какое-то время. Но когда ты сделаешь остановку, я продолжу свой безумный и триумфальный путь к великому и царственному завоеванию ничто! Любое общество, построенное тобой, будет иметь свои границы. А за границами всякого общества будут скитаться неукротимые и героические бродяги, вынашивая свои дикие и девственно чистые помыслы, — те, кто не может помыслить жизнь, в которой нет места всё новым и

ужасающим вспышкам бунтарства!

Мне предписано быть в их рядах!

А после меня, как и до меня, будут те, кто произнесут такие слова: «Итак, обратите свой взор на себя, нежели на ваших Богов или идолов, — объявят они ближним своим, — Найдите то, что прячется в глубине вас самих; извлеките это на свет; покажите себя!».

Ибо каждый, кто обратит свой ум внутрь себя самого и откроет таинства, что там сокрыты, подобен тени, окружающей всякое общество, что существует под солнцем! Любое общество дрогнет под решительным натиском язвительной аристократии бродяг, этих неприступных, не знающих себе равных повелителей идеала и покорителей ничто.

Итак, вперед, иконоборцы, в атаку!

«И вот в предчувствии дурных знамений чернеет, умолкая, небо!»

— Рензо Новаторе, Аркола (Италия), январь 1920 г.

Пиратская отповедь

Капитан Беллами

Даниель Дефо, писавший под псевдонимом «капитан Чарльз Джонсон», оставил после себя труд, ставший первым образцовым историческим текстом, посвящённым пиратам: «Всеобщую историю грабежей и смертоубийств, учинённых самыми знаменитыми пиратами». Как сообщает Патрик Прингл в своей книге «Весёлый Роджер»[18], в пираты чаще всего подавались безработные, беглые слуги и бежавшие преступники. В открытом море классовые различия стирались молниеносно. Дефо приводит речь капитана Беллами, обращённую к капитану торгового судна, захваченного им в качестве трофея. Капитану торгового судна было предложено примкнуть к пиратам, но он отверг это предложение:

Приношу свои извинения в связи с тем, что мои люди решили не возвращать принадлежавший вам шлюп, ибо я нахожу ниже своего достоинства совершить хотя бы ещё одно злодеяние, если лично мне оно не сулит никакой выгоды; к чёрту шлюп, мы пустим его на дно, и там-то он вам пригодится. Вот и взгляд у вас заискивающий, как у щенка, и то же самое можно сказать о каждом, кто готов прогибаться и жить по законам, которые богатеи придумали ради своей безопасности; ибо этому трусливому племени не хватает мужества, чтобы как-то иначе отстоять всё то, что нажито ими путём обмана; так что к чёрту всех вас: к чёрту всю эту стаю лукавых гиен, а заодно и вас, их прислужников, позорное стадо малодушных тупиц. Эти прохвосты беззастенчиво поливают нас грязью, только разница между нами лишь в том, что они грабят бедных, оправдывая свои злодеянья законом, в то время как мы грабим богатых, а оправданьем для нас служит лишь наша отвага. Так неужели же вы предпочтёте прислуживать этой сволочи за мелкую монету вместо того, чтобы стать одним из нас?

И когда капитан ответил, что совесть не позволит ему нарушить законы, установленные Богом и людьми, Беллами ответил следующим образом:

У тебя совесть мерзавца и подлеца, а я — вольный принц, и у меня хватит власти, чтобы объявить войну целому миру, как если бы я командовал сотней кораблей и армией в сто тысяч голов — вот что мне говорит моя совесть. Впрочем, нет смысла спорить со всяким трусливым отродьем, готовым безропотно сносить любые унижения, пока его пинают по всей палубе по причине одной только скуки.

Званный ужин

Стивен Пёрл Эндрюс, «Наука об обществе»

Наивысшую форму устройства человеческого общества в рамках текущего социального порядка олицетворяет салон. Элегантное и утончённое общение между выходцами из аристократии не омрачается дерзким вторжением законодательных предписаний. За каждым признаётся полное право на выражение собственного мнения. И по этой причине беседа протекает совершенно свободно. Их яркие и насыщенные обсуждения не утихают ни на мгновение. Группы образуются сообразно степени их притягательности. Они то и дело распадаются и создаются вновь под влиянием всё того же, тонкого и всепроникающего, принципа. Взаимная почтительность свойственна всем классам общества, и наиболее совершенная гармония, какая только может быть достигнута в бесконечно сложных отношениях между людьми, царит именно в тех условиях, что вселяют ужас законодателям и государственным мужам, ибо ассоциируются с неизбежностью анархии и всеобщего смятения. И если приходится говорить о существовании норм этикета, они носят лишь рекомендательный характер и выступают в качестве общих принципов, следовать которым или игнорировать их каждый волен на своё усмотрение и сообразуясь лишь с самим или самою собой. Можно предположить, что в будущем, несмотря на все достижения прогресса и на все бесчисленные новшества, проистекающие из него, включая и те, зачатки которых мы наблюдаем уже и в нашем столетии, общество в целом, как и все отношения между людьми, всё равно не достигнет той степени чистоты и того совершенства, которые характеризуют некоторые слои нашего нынешнего социума в контексте отдельных форм общественных отношений.

Представим, что общение между посетителями салонов будет регулироваться особыми законами. Допустим, что количество времени, отпущенное каждому джентльмену на беседу с каждой леди, будет законодательно ограничено; места, на которых им предписано сидеть, будут определены с предельной чёткостью; предметы, которые им дозволено обсуждать, тембр голоса, равно как и вся сопутствующая жестикуляция, будут тщательно оговорены — исключительно с целью не допустить беспорядка и взаимного попрания привилегий и прав всех участников. В таком случае, можно ли вообразить себе что-либо, просчитанное с большей строгостью, что-либо, способное ещё вернее навредить общению между людьми, превратив его в невыносимое рабство и внеся в него безнадёжную сумятицу?